

Часть третья

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Третья попытка

В результате горбачевской перестройки, подготовившей контрреволюцию 1991—1993 годов, и деятельности постсоветской власти Россия пережила беспрецедентную в истории человечества социальную катастрофу, была направлена на путь исторической деградации и гибели. Теперь это стало очевидно для подавляющего большинства российского населения. И нет никакой необходимости обосновывать это утверждение. Я хочу здесь коснуться лишь чисто социологического аспекта нынешнего (постсоветского, или посткоммунистического) состояния России и ее будущего.

Чтобы понять нынешнее состояние России на научном уровне понимания, необходимо также на научном уровне понять социальный строй (социальную организацию) Советского Союза, социальный строй стран западного мира, социальную сущность «холодной войны» и тот великий перелом в эволюции человечества, который произошел во второй половине XX века. Я очень кратко (в тезисной форме) изложу некоторые важные пункты моего понимания упомянутых явлений.

О великом эволюционном переломе, который произошел в истории человечества во второй половине XX века, я писал и говорил неоднократно. В двух словах суть его заключается в следующем. Во-первых, начался переход от эпохи преобладания человеческих объединений (человеишиков) типа обществ к преобладанию объединений типа сверхобществ. Во-вторых, стали формироваться сложные сверхобщества глобального масшта-

ба, и наметилась тенденция к объединению всего человечества в единое глобальное сверхобщество. Исторически первым сверхобществом огромного масштаба был коммунистический Советский Союз. И первой попыткой построения глобального сверхобщества было стремление его к мировой гегемонии. В результате «холодной войны» Советский Союз и советский (русский) коммунизм были разгромлены, и инициативу в эволюции человечества захватил западный мир. Он уже в ходе «холодной войны» встал на путь развития в направлении сверхобщества западнистского типа (в отличие от коммунистического) фактически, но еще неявно. На основе победы в «холодной войне» он пошел по этому пути явно, демонстративно заявил свою претензию на мировое господство.

После Второй мировой войны начался стремительный (с точки зрения исторических временных масштабов) процесс интеграции западного мира — процесс превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа. К концу «холодной войны» социальная структура западного мира (интегрирующегося в единое целое Запада, западнистской сверхцивилизации) приняла такой вид. В рамках западных стран («национальных государств») сформировались своего рода «надстройки» над компонентами их социальной организации — сверхгосударство, сверхэкономика, сверхидеология и т.д. Из их взаимодействия образовались «надстроечные» объединения наднационального и межнационального масштаба, а также объединение, охватывающее весь западный мир, скажем — глобальное сверхобщество. Поскольку основной территорией расположения его подразделений стали США и поскольку оно тесно переплелось с «надстроечной» частью сверхобщества самих США, то выражения «США», «Америка» и «Вашингтон» стали двусмысленными: стали обозначать и то, что касается США как одной из западных стран, и то, что касается общезападного и глобального сверхобщества.

Эволюционный процесс человечества принял такой вид, который характеризуется в целом понятиями «западнизация», «американизация» и «глобализация». Все эти понятия обозначают один и тот же процесс, лишь рассматриваемый с различ-

ных точек зрения. Этот процесс является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым. С этой точки зрения он может быть назван процессом западнизации человечества. Поскольку в западном мире доминируют США, поскольку они распоряжаются большинством ресурсов Запада и планеты, этот процесс может быть назван американизацией человечества. Поскольку над США и над всеми западными странами господствуют сверхобщественные явления, объединяющиеся в той или иной мере в общезападном сверхобществе, зоной активности которого становится вся планета, этот процесс может быть назван глобализацией человечества. Этот процесс еще только начался. Им будет заполнена вся история человечества в XXI веке. Похоже на то, что это будет история, которая по своей трагичности памятного превзойдет все трагедии прошлого.

«Холодную войну» против Советского Союза вели не только США, но весь западный мир, организовывавшийся в целое глобальным западнистским сверхобществом, — «Вашингтон» в указанном выше втором смысле. В итоге этой войны Советский Союз был дезинтегрирован, советская (коммунистическая) социальная организация была разгромлена, в России сложилась постсоветская (посткоммунистическая) социальная организация. Она сложилась в горбачевско-ельцинские годы под влиянием комплекса исторических факторов, главными из которых являются следующие два.

Первый заключается в том, что постсоветская социальная организация в России возникла не путем некоей естественной, внутренней эволюции советского общества, а была насильственно навязана России силами Запада (извне) и «пятой колонны» Запада в России (сверху) в результате капитуляции Советского Союза перед Западом в «холодной войне», то есть в результате западнизации России. При этом России навязывалась не столько реальная социальная организация западного образца, сколько ее идеологически-пропагандистский образ, какой был выгоден победителю с целью разгрома России и удержания ее под своим контролем.

Второй из упомянутых выше факторов заключается в том, что при формировании социальной организации разгромлен-

ной России имел силу (и продолжает действовать) объективный социальный закон регенерации, описанный в целом ряде моих работ на эту тему. Закон этот таков: если в человеческом объединении рушится социальная организация и при этом сохраняются человеческий материал и основные условия его жизни (геополитические условия, какие-то компоненты материальной и духовной культуры, традиции, навыки, преемственность поколений и т.д.), то вновь создаваемая социальная организация оказывается близкой в основных чертах к разрушенной. Так что постсоветская система власти как один из важнейших компонентов социальной организации в целом (наряду с экономической системой, идеологической сферой, сферой культуры и др.) формировалась в России не просто из ничего по западным образцам, но из обломков советской системы и под влиянием ее опыта, который вошел в плоть и кровь российского населения.

В результате действия этих факторов в постсоветской России сложился политический гибрид из воспоминаний о советской системе и ее опыта, с одной стороны, и из идеологически-пропагандистских представлений о западной политической системе, с другой стороны. Получился своего рода политический ублюдок (политическая дворняжка), да и к тому же в значительной степени лишь имитирующий реальную систему власти, практически не способный должным образом действовать в интересах большинства населения и страны в целом.

В последние годы усилились и стали все более очевидным образом ощущаться негативные последствия процесса глобализации (американизации, западнизации) для значительной части человечества, включая народы самих западных стран. Стала обнажаться сущность этого процесса. Это в сильнейшей степени коснулось и России. Соппротивление насильственной западнизации обнаружило себя уже в первые ее годы в Советском Союзе. Можно констатировать две значительные попытки на этот счет. Первая имела место в августе 1991 года. Она кончилась провалом. В результате был разрушен Советский Союз и началось стремительное разрушение советской (коммунистической) социальной организации. Вторая попытка имела место в октябре

1993 года. Она закончилась кровавой расправой над повстанцами и упрочением в России постсоветского (посткоммунистического) режима во главе с Ельциным. К концу 1999 года незрели условия и потребность в третьей попытке. О ней надо сказать несколько подробнее.

Многие расценивают отречение Ельцина от власти накануне Нового года и назначение на его место Путина как политический переворот. Слово «переворот» весьма неопределенно. Но если при этом иметь в виду значительность события и совокупность обстоятельств, при которых оно произошло (характер Ельцина, его предыдущие намерения, мизерный срок до намеченных выборов президента и т.д.), то это слово представляется тут вполне уместным.

Пусть переворот. Но возникает вопрос: какой именно, в чем его социальная сущность? Ведь не сводится же он к тому, что на место дряхлого и полуживого (практически невменяемого) Ельцина к власти пришел молодой, энергичный и умный Путин, который якобы будет следовать ельцинской линии, так что можно будет сказать, будто «Путин — это Ельцин сегодня». Именно в таком виде пытаются представить этот переворот западные политики, выдающие желаемое за действительное, а точнее говоря, высказывающие своего рода инструкции новому правителю России.

Чтобы дать объективную оценку переворота, о котором идет речь (буду для краткости называть его путинским), необходимо исходить из того подхода к современной ситуации в мире и в России, который я очень сжато изложил выше. К концу 90-х годов XX века в России назрела жизненно важная потребность в том, чтобы сделать российскую власть более эффективной с точки зрения интересов большинства населения и интересов России как целого, нормализовать ее, лишить ее вида, в каком она стала погмещищем во всем мире. Путинский переворот объективно (с социологической точки зрения) и явился конкретно-исторической формой реализации этой потребности. Кто бы ни были организаторы переворота и какими бы ни были их субъективные намерения, этот переворот объективно, в сложившихся в России и на Западе условиях, так

или иначе содержал в себе элемент сопротивления России гибельным для нее последствиям западнизации, американизации и глобализации. Именно этим главным образом объясняется «чудо» путинского рейтинга. Во всяком случае, широкие слои российского населения именно так восприняли путинский переворот и сфокусировали в личности Путина свои потребности и надежды. Этот переворот не был спланирован в Вашингтоне, так я думаю. Путин появился на исторической арене не как креатура Вашингтона. Скорее всего он «проскочил» по недосмотру, даже по ошибке тех, кто организовывал переворот. Организаторы переворота явно недооценивали личные качества Путина.

Уже сейчас можно констатировать, что путинская власть выражает усиление тенденции постсоветской системы власти России к советскому образцу. И это не просто субъективное желание ее руководителей. Дело тут в том, что в современных условиях и в силу объективных социальных законов организации власти сильная государственная власть, способная справиться с нынешними российскими проблемами, может быть лишь властью такого типа, какая сложилась в советское время в России, причем сложилась независимо от лозунгов марксистского коммунизма и даже вопреки им, сложилась в силу необходимости и по законам власти как таковой.

Но просто сказать, что в путинском перевороте проявился второй из рассмотренных выше факторов (скажем, тенденция к советизации системы власти), мало. Дело в том, что в самой советской системе власти надо различать два периода: сталинский (вождистский) и брежневский (партаппаратский). Уже в горбачевские годы наметилась тенденция возврата к сталинистскому типу власти, что проявилось в стремлении Горбачева к чрезвычайным полномочиям и к возвышению своей власти над партийным аппаратом (отсюда перенос высшей власти из партийного аппарата в надпартийные государственные органы). В нынешних условиях постсоветской России отсутствует партийный аппарат как орган сверхвласти. И тенденция к советизации власти может быть лишь тенденцией к сверхгосударственной власти, причем сталинистского типа. Так называ-

емая «сильная государственная власть» в современных условиях России и контроля со стороны Запада может быть лишь личной властью президента с его личной канцелярией (администрацией) и лично связанными с ним надежными соратниками («номенклатурой»), опирающимися на широкие слои населения, подконтрольные президентской команде средства массовой информации и, само собой разумеется, армию, силы внутреннего порядка и органы государственной безопасности. Не исключено создание массовой партии, связывающей вождя-президента с массами населения (с «народом»). Но такая партия в условиях западнизации не может стать чем-то наподобие КПСС. Она будет служить подсобным средством вождя-президента, станет президентской партией.

Разумеется, этот вариант власти не может быть реализован в открытом, явном и «чистом» (буквальном) виде. Он возможен лишь в тенденции, с какой-то степенью приближения. Но он закономерен. Это значит, что если новая власть на самом деле будет стремиться действовать в интересах самосохранения (выживания) России и российского населения (русского народа в первую очередь), то она в силу социальной необходимости должна будет действовать в рассмотренном духе.

Усиление тенденции к советизации не означает ослабления западнизации. Наоборот, последняя усиливается и будет усиливаться. Не противоречит ли это сказанному выше? Если рассматривать западные страны в привычных понятиях, выработанных применительно к эпохе обществ, противоречие несомненно. Но западный мир уже вступил в эпоху сверхобществ. И в западнистской социальной организации уже сложилась сверхгосударственная власть, важнейшим компонентом которой является механизм денежного тоталитаризма. Реальный Запад отличается от его идеологического образа. Реальная западнизация означает возникновение в сфере власти сверхгосударственной власти западнистского типа — власти денежного механизма. Это и происходит в России фактически в соответствии с объективными социальными законами. А в сознании большинства россиян это воспринимается как некое отклонение от неких норм бытия. В постсоветской России формируется гибрид советиз-

ма и западнизма в сфере власти не как гибрид власти на уровне государственности, а как гибрид на уровне сверхгосударственности. Получается российский вариант западнизма, содержащий в себе компоненты сверхгосударственности советизма.

Нечто подобное происходит и в других сферах российского человекика (по моей терминологии) — в сфере хозяйства, идеологии, культуры, образования и т.д. Российский социальный гибрид формируется как сверхобщество. Путинский политический переворот по своей социальной сущности означает попытку ослабить (если не порвать совсем) пути западнизации своеобразным способом, единственно доступным России в современной реальности, а именно путем прорыва России на уровень сверхобщества (в сфере власти — на уровень сверхгосударственности). А это — своеобразный протест против той формы западнизации, которую глобальное западнистское сверхобщество стремится навязать России: оно стремится удержать Россию на более низком уровне социальной организации, чем тот, на котором находится оно само.

Насколько успешным может оказаться путинский переворот по своим последствиям? Не следует забывать о втором из рассмотренных факторов. Этот переворот произошел в условиях западнизации России, в условиях зависимости России от Запада, в условиях заинтересованности Запада в том, чтобы Россия и впредь оставалась под контролем Запада и служила его интересам. Вашингтон недвусмысленно заявил, что ельцинский курс должен соблюдаться. И если это требование не будет выполняться, можно со стопроцентной уверенностью предсказать, что Запад (Вашингтон) будет делать все от него зависящее, чтобы ограничить позитивные последствия путинского переворота для России, скомпрометировать их и свести на нет.

Кроме того, эволюция России под водительством Путина не означает, будто сразу начнутся улучшения, удовлетворяющие надежды масс российского населения. Улучшения возможны, но настолько незначительные, что их пропагандистский эффект будет быстро исчерпан. Для заметных улучшений нужно время, причем время немалое, историческое. А сначала необходимы и неизбежны жертвы. А о тех жертвах, какие при-

шлось пережить российскому населению при исполнении исторической миссии не столь давнего прошлого, помнят до сих пор. Вряд ли россияне вновь окажутся способными на нечто подобное ради сомнительного «светлого будущего». В великой истории ничто не дается даром, без жертв, без усилий. За все надо как-то расплачиваться. Если придется выбирать — великое и светлое будущее ценой усилий ряда поколений, в которое теперь мало кто верит, или жизнь в уже сложившихся формах без таких усилий, — россияне скорее всего предпочтут второе. И третья попытка сопротивления западнизации, американизации и глобализации окончится так же плачевно, как и первые две. И формула «Путин — это Ельцин сегодня» тогда окажется реальностью.

Март 2000 г.